

УДК 630

ЭКОЛОГИЯ

Д.В. Трубин

Архангельский региональный общественный фонд «Музей леса»
имени заслуженного лесовода РФ А.Ф.Заволожина, г. Архангельск

**ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ СООБЩЕСТВО РОССИЙСКИХ ЛЕСОВОДОВ:
ЗИГЗАГИ ИСТОРИИ**



Когда на высоком государственном уровне рассматриваются проблемы отдельной отрасли производства или государственного института, нередко вспоминают о профессиональном сообществе людей, наполняющем эту отрасль или институт и обеспечивающем их функционирование. Но не в первую очередь! Сначала речь ведут о степени удовлетворенности общества в конечном продукте производства или оказываемых услугах, о законодательной базе, потом подвергают анализу предметную область: сырьевое обеспечение, технологию производства, экономику и финансовое состояние, упоминают состояние отраслевой науки, международные связи с учётом необходимости импортозамещения. И лишь потом вспоминают о человеческом факторе, иногда с пафосом: «Кадры решают всё!».

Конечно, мы не в силах изменить устоявшийся порядок решения государственных вопросов, но думается, что кадровый аспект наиважнейший. Во-первых, каждое профессиональное сообщество – это органическая частичка нации. Иногда даже титульная, как то: хлопкоробы Узбекистана, виноделы Франции, шахтеры Донбасса. Поэтому экономика отрасли не должна превалировать над социальной стороной проблемы. Во-вторых, эффективность любой отрасли сильно взаимосвязана с качеством профессионального сообщества, наполняющего эту отрасль, а качество это, в свою очередь, продукт исторического развития. Одномоментно сформировать дееспособное профессиональное сообщество невозможно.

Раньше в России любую проблему сельского хозяйства именовали «крестьянским вопросом», то есть придавали ей социальный акцент. До недавнего времени в решении проблем аграрного сектора противоборствовали две тенденции: ориентация на импорт продовольствия или поддержка местного производителя. Поскольку экономическая эффективность нашего крестьянства ниже, чем в странах импортерах, пытались учесть социальный фактор. Сегодня, в условиях западных санкций, социальный и экономический факторы слились воедино.

Лесной сектор, как и сельское хозяйство, охватывает значительную часть населения страны. Преобладающая часть территории России (за пределами городов), хоть и зовется «сельской местностью», но населена работниками не только аграрного сектора, но и лесного. Но, несмотря на огромные наши лесные территории, где-нибудь в соседних странах лесное хозяйство может быть эффективнее, и продукция лесопереработки там может оказаться дешевле. Гипотетически ситуация в лесном секторе может повторить аграрный сценарий (масштабный импорт пиломатериалов, фанеры, целлюлозы),

если в государственной политике возобладают сугубо экономические приоритеты. Тогда занятость населения в сельской местности, социальная обстановка и в целом благосостояние народа могут существенно усугубиться. Полагаем, что история найдет компромиссное решение, потому что в национальном характере россиян исторически заложено особое свойство выживания, основанное на знаниях, желаниях, умениях в сфере природопользования - своего рода неразделимые культура леса и культура поля.

В целом, работающие в лесном секторе люди - слишком большая и аморфная группа населения, чтобы называть их профессиональным сообществом. И хотя их связывают единый объект труда и тесные технологические цепочки, в этой группе можно выделить многие более целостные профессиональные сообщества: лесозаготовителей, лесопильщиков, сплавщиков. Наш предмет исследования – профессиональное сообщество лесничих или, в более расширенном рассмотрении, сообщество лесоводов, включающее и самих лесничих, и других чиновников органов лесоуправления, и лесоустроителей, и научных работников в области лесоводства. Представляют интерес некоторые характеристики этой группы людей как профессионального сообщества: исторический возраст, качественный состав, структура сообщества и степень сплоченности структурных элементов, верность профессиональным традициям, трудовой вклад в социально-экономическое развитие страны, авторитет и отношение общества к нему, его творческая активность и адекватность в современных условиях, их понимание ресурсных возможностей российских лесов. По-видимому, именно эти характеристики определяют перспективы лесного сектора в будущем в большей степени, чем количественные показатели о ресурсах лесного фонда и принятые положения государственной лесной политики. Рассмотрим основные из них.

Изучая историю лесного хозяйства, мы обратили внимание на разные этапы развития нашего сообщества. Его зарождение и становление восходит к временам петровских реформ. Для выявления корабельных лесов и организации в них хозяйства Петром I лично была составлена «Инструкция вальдмейстеру», в которой определялись кадровые требования по комплектованию штатов. В соответствии с ними к первой лесной службе привлекались морские офицеры и корабельные мастера и подмастерья, в основном, крестьянского происхождения. Для обеспечения профессионального уровня нарождающейся лесной службы приглашались иностранные специалисты (лесные знатоки – немецкие форстмейстеры), которые по условиям контракта должны были подготовить по шесть учеников. Таким образом, в основу профессионального мастерства были заложены: немецкая пунктуальность и грамотность, офицерская честь, ответственность и крестьянская мудрость и сметка.

В 2019 году российская лесная служба отметит своё 300-летие, так как ровно три века назад в 1719 году петровским указом была образована Вальдмейстерская контора в составе Адиралтейств-коллегии, которой было поручено управление всеми лесами государства.

Представляют интерес некоторые особенности лесоуправления и кадровой политики в лесном хозяйстве России до 1917 года, которые, как нам представляется, положительным образом влияли тогда на социально-экономическое развитие регионов и становление лесного сектора экономики. Для анализа были использованы данные о персональном составе лесного корпуса России на 1915 год, о динамике и ротации кадров лесной охраны в Архангельской губернии за 1850-1916 год, Памятная книга лесничеств Вологодской губернии 1912 года, материалы из фондов Российского музея леса, Архангельского музея леса и другие статистические и архивные материалы.

Следует заметить, что Архангельская и Вологодская губернии по своему развитию и положению занимали промежуточное место между губерниями центральной России и сибирской части страны, и поэтому хорошо подходят на роль модельного региона для суждения об общероссийских проблемах. Какие особенности государствен-

ной лесной политики в период с 1850 по 1916 годы обращают на себя внимание в первую очередь?

Во-первых, это этап форсированной организации и развития лесничеств, как государственных органов управления лесами, и резкое увеличение численности лесной охраны. За 66 лет в Архангельской губернии количество лесничеств увеличилось с 15 до 55. В Вологодской губернии к 1912 году их стало 61. Численность лесных специалистов (лесничий, помощник лесничего, лесной кондуктор, или объездчик) возросло с 40 человек до примерно 200 человек, а общая численность лесной охраны, включая лесников – с 150 до 600. Средний прирост штатной численности стабильно составлял 20 % в десятилетие. Средняя площадь лесничества сократилась с 2,6 до 0,6 млн. га, средняя площадь обхода, приходящаяся на одного лесника, с 300 до 60 тыс. га, а в центральных уездах до 20-30 тыс. га.

В ту эпоху губерния имела другую конфигурацию. Она включала нынешнюю Мурманскую область, часть Карелии и Коми, но южные и западные территории входили в состав Вологодской и Олонецкой губерний. Если рассмотреть территорию в современных границах Архангельской области, то на ней к 1915 году насчитывалось 60 казенных лесничеств. Кроме того, в удельных (принадлежащих императорскому двору) лесах, занимающих около 2,0 млн. га, было 13 удельных имений, образованных по типу лесничеств. То есть общее число подразделений лесной службы за дореволюционный период выросло до 73, а общая численность лесной охраны увеличилась до 1,5 тыс. человек.

Другой особенностью лесоуправления была активизация работ по исследованию лесов лесоустроительными методами с целью вовлечения их в коммерческий оборот развивающегося российского капитализма. Для этого одновременно с развитием лесничеств планомерно наращивались масштабы инвентаризации лесных ресурсов в рамках лесоустройства. В середине XIX века корифеями отечественной лесной науки были разработаны методологические основы российского лесоустройства, сочетающие передовые европейские подходы, исторический опыт отечественных вальдмейстеров XVIII-XIX веков по изысканию корабельных лесов и собственные технологические находки, решающие извечную российскую проблему обширности и малонаселенности территорий. Одной из таких находок было устройство постепенно сгущающейся квартальной сети просек, привязанной к элементам Генерального межевания территории страны. По этим просекам проводилось глазомерное описание лесов с одновременным картированием их. Для облегчения разграничения выделов использовался лесотипологический подход.

На первых порах лесоустройство осуществлялось силами местных лесничеств, но оно требовало специфических знаний и навыков. Поэтому в конце XIX века стал формироваться персональный штат специального таксаторского корпуса, а государственные расходы на лесоустройство ежегодно увеличивались. Благодаря этим усилиям к концу рассматриваемого периода примерно половина лесов в европейской части страны была приведена в известность, а лесная промышленность получила информационную базу для интенсивного развития.

Кроме лесоустройства территории на правительственном уровне решались вопросы профессионального образования и лесной науки. Подготовка руководящих специалистов осуществлялась в основном в трех высших российских учебных заведениях: Императорском лесном институте, Петровской сельскохозяйственной и лесной академии и Ново-Александровском институте сельского хозяйства и лесоводства. Работали лесничими также выпускники других институтов, в том числе престижных зарубежных: Саксонской (Тарандской) и Эберсвальдской лесных академий.

Для подготовки специалистов среднего и низшего звена была создана сеть лесных училищ при особых школьных лесничествах. Первое такое заведение – Царско-

сельское практическое лесное училище, было открыто в 1803 году. К 1915 году их число выросло до 44. Руководил таким училищем, как правило, лесничий школьного лесничества. В его распоряжении находились два преподавателя – дипломированные лесоводы в должности помощника лесничего, а также по типовому штату остальные работники лесничества: лесные кондукторы, объездчики, лесники. Территория и объекты школьного лесничества являлись производственной базой обучения. Воспитанники училища (10-15 человек) находились на полном государственном обеспечении и по окончании получали звание лесного кондуктора. Многие из них со временем становились лесничими. В Архангельской губернии 46 % процентов лесничих имели высшее образование, 26 % были выпускниками подобных училищ, и 28 % имели общее среднее образование.

Лесная наука развивалась на кафедрах лесных институтов и в отдельных лесничествах, возглавляемых лесоведами-практиками, тяготеющими к научной деятельности. Впоследствии на основе таких лесничеств сформировалась регулярная сеть опытных лесничеств с дополнительной материально-технической базой и штатом научных сотрудников. К 1915 году их было 12, все были расположены в разных природных зонах. Все правительственные решения по лесам принимались на основе научных рекомендаций российских ученых.

Но главным приоритетом правительства Российской империи в деле становления лесного дела были люди, лесные профессионалы. Об этом говорит даже тот факт, что в структуре Лесного департамента первым и самым многочисленным было не экономическое или лесоустроительное отделение, а отделение по личному составу. При этом в эпицентре кадровой работы явственно выделялась фигура лесничего. В 1839 году по представлению Министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева был учрежден специальный Корпус лесничих. С некоторыми структурными реформациями он существовал 78 лет. В состав Корпуса лесничих входили все российские лесничие, как состоящие в должности, так и запасные, а также преподаватели лесных учебных заведений, лесные таксаторы, руководители ведомства. Принадлежность к Корпусу придавал каждому лесничему особый авторитет и социальную защиту.

Для расширения кадрового резерва при наличии дефицита специализированных высших учебных заведений в 1869 году Корпус лесничих был переведен из военного статуса в гражданский. Появилась возможность принимать на должности не только отставных офицеров, но и гражданских специалистов смежных профессий: инженеров, агрономов, землемеров, чиновников, выпускников реальных училищ.

В течение всего рассматриваемого периода формировалась система мотиваций лесничих к добросовестной лесной службе. Во-первых, к этому побуждала принадлежность к Корпусу лесничих, сплоченному профессиональной честью и историческими традициями. Кроме того, лесничий имел возможность повышать профессиональную классность: от III до I класса. Соответственно увеличивалась оплата труда. Лесничий I класса (разряда) получал не менее 1000 рублей жалования в год, 200-400 руб. разъездных и 100-250 руб. на канцелярские расходы, имел право на проезд в вагоне 1-го класса и 5 руб. в сутки командировочных.

Далее, лесничий, имея гражданский или военный чин, подтверждающий его административные способности в соответствии с Табелью о рангах, мог повышать свой статус и по этой стезе. Первые, начальные чины (XIV-XII – коллежский регистратор, губернский секретарь, соответствующие военным званиям прапорщик и поручик) лесничие получали при окончании учебного заведения или при вступлении в должность. В дальнейшем, в соответствии с производственными успехами и накоплением административного опыта, чин повышался до весьма высокого звания. Некоторые российские лесничие дослуживались до звания статского советника, которое соответствовало промежуточному положению между военными званиями полковника и генерал-майора.

Таковыми были, например, Алмазов Павлин Андреевич, лесничий Сольвычегодского лесничества, Беляев Александр Павлович, лесничий Костромского лесничества Костромской губернии, Попов-Веденский Владимир Никтополеонович, лесничий Кадниковского лесничества и Роваковский Александр Феликсович лесничий Толшемского лесничества Вологодской губернии. Лесничий Лисинского школьного лесничества Кравчинский Михаил Дмитриевич имел звание действительного статского советника, в полной мере соответствующего званию генерал-майора. Лесничий – генерал! Это было престижно! По служебной лестнице лесничие могли выслужиться на должность лесного ревизора – окружного руководителя лесничих, каковых в Архангельском губернском управлении было 10 человек.

Немаловажным мотивом к служебному рвению были правительственные награды. Как правило, за 15-20 лет безупречной службы каждый лесничий представлялся и награждался орденом св. Анны или св. Станислава. Далее награждения продолжались через 3-5 лет. Из 49 лесничих Архангельской губернии 16 человек, или 33 % были кавалерами этих наград, некоторые двух-трех. Лесничий Керетского лесничества Гаврила Яковлевич Васильев на 41 году службы, имея Анну и Станислава, получил третий орден св. Владимира 4 ст., самую высокую для гражданских чинов награду. Лесные ревизоры, все 10 человек, также имели высокие награды.

Для материальной поддержки лесничим предоставлялись безвозмездные земельные наделы. Некоторые из них самостоятельно обрабатывали их, а некоторые сдавали в аренду и имели дополнительный доход. Сыновья лесничих пользовались приоритетным правом поступления в лесные учебные заведения, а для обучения дочерей лесничие могли получать особое пособие. Женщины на лесную службу не принимались. Лишь в 1916 году, в связи с массовым призывом в армию, этот запрет был снят.

Для поддержания престижа лесничие имели красивую форму с соответствующими регалиями, а к парадному мундиру выдавался кортик лесничего, украшенный головой совы и лебедей. Они символизировали мудрость и верность носящего такой кортик. Для бытового обустройства лесничествам предоставлялись значительные субсидии на строительство казенных жилых домов и кордонов. На Севере кое-где сохранились такие дома лесничего, которые до сих пор выгодно выделяются на фоне деревенской застройки. Иногда такие дома вместе с хозяйственными постройками образовывали изолированные поселения (имения), красиво вписанные в лесной ландшафт.

Все лесничие основательно обустроивались в служебных имениях. Тем не менее, обращает на себя внимание высокая ротация кадров лесничих. Они были «легки на ногу». Многие лесничие, а также их помощники и лесные кондукторы, длительное время посвятившие лесной службе, успевали поработать в трех-пяти лесничествах. По-видимому, это была антикоррупционная мера, чтобы работники «не засиживались» на одном месте и не обрастали порочными связями, а также содержали деловую документацию в готовности для возможной передачи сменщику. Конечно, передвижению лесничих способствовало наличие казенных благоустроенных домов. Частые переводы обогащали производственный опыт, а руководству позволяли решать кадровые проблемы и подбирать кандидатов на повышение. Сведения о назначениях и переводе лесничих публиковались в «Лесном журнале», который выписывался в каждом лесничестве.

Мы не можем сейчас сказать, насколько это было обусловлено ротацией, но фактов должностных проступков и даже невинных злоупотреблений во всем массиве архивных материалов не было обнаружено ни одного. Можно привести другой пример – лесничий Волокопинежского лесничества Д.Ф. Шидловский был родным братом вице-губернатора, а в последующем и губернатора Архангельской губернии А.Ф. Шидловского, но не пользовался возможной протекцией и долгие годы работал рядовым лесничим.

В довершение группового портрета северного лесничего нужно сказать, что средний стаж его службы был 14 лет с большим разбегом. Было много молодых выпускников институтов, были и ветераны, отработавшие по 30-40 лет. Музейные фонды сообщают данные о выпускниках лесных училищ 1864 года, продолжавших на момент учета в 1915 г. работать уже более полувека в должности лесничих. Это Демин Павел Васильевич (Вознесенское лесничество, Карелия), Боровской Казимир Осипович (Лелемское лесничество в Коневе), Пуциловский Матвей Иванович (Вислицкое лесничество, Карелия), Мервольф Карл Федорович (Лодейно-Польское лесничество). Средний стаж лесных ревизоров равнялся 23 годам, а в послужном списке у них тоже была работа в двух-трех лесничествах. Таким образом, это были умудренные опытом профессионалы высочайшего уровня.

58 % лесничих и лесных ревизоров были православные, остальные исповедовали римско-католическую или лютеранскую веру. В этническом плане преобладали русские, преимущественно северные люди, среди которых попадались выходцы из Польши и Прибалтийских земель. Некоторые из них носили приставку «фон...». Немудрено, что в течение исторического отрезка времени лесное дело становилось семейной традицией, что, несомненно, было полезно для отрасли. Стали появляться династии лесоводов: Войчалей, Флоровских, Васильевых, Перовых, Строгальщиковых.

Можно сказать, что кадровая политика царской России была пронизана заботой о лесоводах. Благодаря этому сформировалось профессиональное сообщество с **высокой степенью сплоченности её структурных элементов, верностью профессиональным традициям, династическими связями, высоким авторитетом в обществе. Либеральное лесное законодательство позволяло лесничим проявлять высокую творческую активность и быть адекватными современным условиям. Надо полагать, их трудовой вклад в мощное развитие лесной промышленности на рубеже веков был существенным.**

К сожалению, революционные события и гражданская война резко нарушили планомерное развитие лесного хозяйства. Сменился вектор лесной политики, и были попорчены цивилизованные устои лесоводства. Началось безудержное разграбление лесных ресурсов страны, которое на первых порах позволило получить сильный импульс индустриального развития, но через полвека обернулось жестким лесосырьевым дефицитом. Корпус лесных профессионалов попал в опалу. Лишь единицы из десятков известных нам лесоводов с дореволюционным стажем упоминаются в архивных материалах двадцатых-тридцатых годов. Годы Отечественной войны усугубили утраты исторического опыта. Прервалась связь поколений лесоводов, и это было трагичным для хозяйства российских лесов.

Лишь в конце 1940-х гг. прогрессивной лесной общественности удалось убедить правительственные круги в необходимости государственного планового управления лесами. В 1947 году было образовано Министерство лесного хозяйства РСФСР, союзные органы, и началось восстановление институциональной структуры лесного хозяйства, лесного законодательства, профессиональных традиций. Стал возрождаться статус лесничества и лесничего. Правда, их функции распались на два уровня: лесничество и лесхоз, но может быть, это было оправдано в связи с расширением поля деятельности органов лесного хозяйства. Лесхозы объединили группы лесничеств и централизовали их административную, финансовую и частично производственную деятельность.

В 1970-80-х гг. наблюдался заметный подъем лесного хозяйства. Одновременно с высоким уровнем лесопользования и развитием лесной промышленности в лесхозах и лесничествах масштабно начались работы по лесовосстановлению, мелиорации лесов, противопожарному обустройству, уходам и лесозащитным мероприятиям. Была сформирована эффективная система пожаротушения. Активно началась их механизация, и лесхозы стали называться механизированными. Лесхозы всемерно участвовали в разви-

тии местной промышленности, возрождали лесные промыслы, открывали рабочие места и способствовали увеличению занятости в сельской местности. Народилось новое поколение лесоводов, исповедующих профессиональные исторические традиции и обладающих крепкими лесоводственными знаниями. Вновь стали проводиться региональные и общесоюзные съезды лесничеств, присваиваться почетные звания «Заслуженный лесовод РСФСР». Для воспитания юного поколения зародилось движение школьных лесничеств.

Инерция этого временного подъема позволила сохранить леса в трудные в экономическом и правовом отношении первые годы перестройки, но ее хватило лишь на десятилетие. Главные же причины обвала лесопромышленного комплекса таятся в историческом прошлом, в 1920-30 гг., когда рушились устои отечественного лесоводства, происходила политическая травля корифеев лесной науки: М.М. Орлова, Г.Ф. Морозова, гонения на рядовых лесоводов, массовые репрессии. Оставшиеся кадры лесоводов старой закалки понесли большие потери в Великой Отечественной Войне. Тогда окончательно и прервалась связь поколений профессионального сообщества, что трагично отразилось на развитии всего лесного сектора страны. После войны был тяжелый восстановительный период. И когда в восьмидесятых годах стали проявляться первые успехи и подвижки к современному лесному хозяйству, началась перестройка с глубоким экономическим спадом. А в 2000 году российское лесное хозяйство получило очередной удар, когда был ликвидирован центральный орган – Российское лесное агентство. В объединенном ведомстве лесоводы потерялись в среде геологов, водников, экологов и охотоведов.

Для осознания пагубности такого решения потребовалось 5 лет. В 2005 году Рослесхоз был восстановлен вновь. Началось налаживание нарушенных структурных связей профессиональных отношений. Но через два года был принят новый Лесной кодекс, который усугубил положение лесного хозяйства. Наиболее опасным последствием его принятия явилось расчленение системы на две объективно неразделимых составляющих: управляющую и хозяйствующую. Сообщество лесоводов, и без того не могучее, оказалось расколотым. Одна часть вытолкнута в рыночную стихию лесохозяйственных услуг, скудно подпитываемых бюджетным финансированием. Другая часть, управляющая, сохранив статус госслужбы, оказалась без реальных рычагов хозяйствования в лесу.

Проблема реформы лесоуправления требует отдельного разговора. В данной статье мы хотели обсудить лишь историю судьбы лесничего, главного человеческого фактора в развитии лесного хозяйства. Сегодня положение лесничего не вызывает оптимизма. Само звание «лесничий» утрачено. Есть должность руководителя лесничества, бывшего директора лесхоза, но он лишен, как говорилось выше, реальных рычагов инициативного управления и скован жесткой сметой расходов на текущий год. Есть специалист-эксперт, руководитель участка лесничества, тот, который раньше был по должности лесничим. У него в команде вместо бывших 10-12 человек лесников и мастеров, осталось по 2-3 помощника. Кроме инспекторских, он вообще не имеет никаких полномочий. Его должностное положение сведено до функций лесного кондуктора дореволюционных времен. Полномочия таких «лесничих» ограничены до минимума: проверить и принять работы, выполненные чужим подрядчиком по контракту, заключенному областным органом, отпустить лес в рубку местным жителям да подтормозить наемных пожарных, по договору охраняющих леса и ликвидирующих пожары. Правда, есть обширный участок работ – увеличившийся объем отчетности и бумаготворчества.

Естественно, престиж такой работы лесничего упал. Возможности карьерного роста, бытового обустройства стали призрачными. Перспективы почета и уважения – тоже. Зарплата на грани прожиточного минимума. Зато риск строгого наказания за нештатные ситуации велик, причем со стороны правоохранительных органов, которые в

последнее время почему-то сосредоточились на органах лесного хозяйства. В таких условиях приток молодых, умных, энергичных людей сократился, инициативность старых работников угасает, и общее качество сегодняшнего «Корпуса лесничих» падает.

Современный и будущий мир несет новую систему ценностей. Известный политолог из Высшей школы экономики Сергей Караганов в своей последней работе по альтернативной стратегии развития страны на предстоящие 20-30 лет уверяет, что сейчас главным инструментом конкуренции становится качество людей. Главная схема конкуренции уместается в экономико-технологическом и идейно-информационном поле. Трудно не согласиться с этим! Можно без конца реформировать систему, издавать бесчисленные нормативно-правовые акты, увеличивать финансирование, разрабатывать новые технологии. Но качество людей этим не обеспечить. Важно сохранить и приумножить лучшие черты профессионального сообщества отечественных лесоводов. Это поможет привлечь энергичных, грамотных, верующих в идею молодых людей, сплачивать их в дружные коллективы, которые могут справляться с любыми задачами без подсказок и контроля.

Рецензент статьи: ведущий научный сотрудник Ботанического сада УрО РАН, доктор биологических наук, профессор Е.В. Колтунов.